

Они открыли мой багаж и достали оттуда ту самую чёрную пригласительную открытку — неоспоримое доказательство того, что я спуталась с дьяволом, как они выразились.

— Она действительно приспешница дьявола, посланница злых сил в мире людей!

— Зачем ты явилась к нам, кто тебя подослал!

Множество горожан набросилось на меня, они рвали мою одежду и хватали за волосы. В суматохе я упала на землю, и меня поволокли за собой, кто-то даже топтался по мне, а я лишь испуганно сжалась в комок. Наконец меня подняли и с суровым видом принялись допытываться. Вспомнив, что именно она указала мне дорогу в лесу, я решила ни за что не подводить невинного человека и плотно сжала губы, не произнеся ни звука.

— Эта женщина в комнате — твоя сообщница? Живо признавайся!

— Вы что, собираетесь проводить зловещий ритуал и хотите напустить сюда чуму?!

— Я просто заблудилась в лесу и случайно сюдабрела, к остальным это не имеет никакого отношения, вы, психопаты!

Услышав их всё более безумный бред, я не выдержала и огрызнулась. Мои слова вызвали у них ярость: один из горожан отвесил мне пощёчину, и щека тут же опухла, но я не сдалась и выпалила в ответ:

— Я ничего не делала, я просто туристка!

— Она врёт, этот демон лжёт!

Все эти туристические проспекты — сплошной обман! Рассказывают про добродушных и наивных сельских жителей, а на деле эти люди — настоящее нецивилизованное быдло с вилами!

— Старейшина, эта ведьма упрямится, от неё ничего не добиться, что нам делать? — обратились горожане за советом к старику.

— Раз ничего не говорит, отправьте её обратно в объятия дьявола.

Увидев, что я всё ещё отчаянно сопротивляюсь, старик отдал приказ, и горожане тут же перешли к действиям.

Они навалили на землю хворост. Предчувствуя неладное, я попыталась вырваться, но меня

прижали несколько человек, а руки и ноги крепко связали верёвками.

Громко проклиная меня, они возлагали на меня вину за все свои жизненные несчастья. Под волну всеобщей злобы меня привязали к столбу, точь-в-точь как средневековую ведьму.

Некоторые горожане плакали, вспоминая близких, умерших от болезней или несчастных случаев. Но ведь их смерти никак не были связаны со мной — почему же они обвиняют во всём меня?

Мне несколько раз сильно ударили по голове, кровь из раны потекла по лбу, застилая глаза. Сквозь пелену я едва разглядела, как старейшина кивнул, после чего кто-то из толпы чиркнул спичкой и поднёс факел.

Пламя поползло вокруг, обдавая меня сперва сухим жаром, а затем и обжигающим зноем. Но боль от ожогов не шла ни в какое сравнение с едким густым дымом — от каждого вдоха перехватывало дыхание. Горожане продолжали изрыгать проклятия, утверждая, что это я принесла им беды и несчастья, но разве та незаслуженная боль, что я терпела сейчас, не была плодом их собственных рук?!

Эти существа были грубы и жестоки, их охватило беспричинное, дикое возбуждение. Мои глаза постепенно застилал чёрный дым, но я не желала сдаваться так просто — даже умирая, нельзя быть такой тряпкой!

— Послушайте меня, ублюдки! — мой голос прозвучал с невероятной силой, заглушив и шум этой толпы, и треск горящего дерева. — Раз вы называете меня демоном, тогда я проклиная вас!

— После моей смерти никто из вас не выживет! Ни мужчины, ни женщины, ни дети — этот проклятый городок исчезнет с лица земли, отправляйтесь-ка со мной на тот свет!

Мое проклятие, казалось, вытягивало последние соки из самой жизни, заставив горожан в ужасе замереть. Женщины прижимали к себе заплаканных детей, мужчины испуганно переглядывались, а старейшина помрачнел. Но даже раскаиваться было уже поздно, слишком поздно — посеянные ими семена греха уже дали всходы.

Неподалёку за всем происходящим наблюдала Анджел. Будучи управляющей поместьем, она всегда была безупречна: облегающий чёрный жилет, перчатки и аккуратно уложенные короткие каштановые волосы. Она смотрела, как пламя поглощает ту, на которую указала хозяйка, и запоминала каждого участвовавшего в расправе горожанина, пока огонь не догорел дотла.

С первыми лучами утреннего солнца, осветившими место казни, они собрали оставшийся прах и закопали его глубоко в землю. Для успокоения совести они вылили на это место немало святой воды, а вокруг вбили железные и серебряные гнилы, образовав так называемый

мощный защитный барьер.

Однако прямо сквозь утренний свет появилась одинокая фигура и без труда перешагнула через барьер.

— Ах, какая жалость.

Она встала перед столбом, полоснула себя по запястью и позволила струе крови закапать землю. Кровь мгновенно впиталась в почву, не оставив и следа красноты, а женщина принялась беззвучно шевелить губами.

Стоило ей уйти, как на месте появились люди в чёрном. Их предводитель закатил глаза, словно невидимая нить тянула его вперёд, а руки сами собой тянулись к пустоте. Не сбиваясь с пути, главный подошёл прямо к сгоревшему столбу и рухнул на колени, шаря руками по земле в поисках чего-то.

Остальные чёрноризцы молча образовали вокруг него круг, в тишине ожидая развязки. Наконец он выкопал из пепла младенца. Грудка ребёнка слабо вздымалась, дыхание было еле заметным. Убедившись, что малыш невредим, люди в чёрном издали сдержанный, радостный шепоток:

— Слава богам, маленький господин благополучно сбросил человеческую оболочку и переродился! Это не иначе как божественное благословение.

С величайшей осторожностью и трепетом он завернул младенца в мягкую чёрную шелковистую ткань и передал ожидавшей всё это время каштановолосой управляющей. На лице Анджел наконец появилась улыбка.

— С остатками разобрались? — Анджел прижала к груди ребёнка, выглядя чрезвычайно довольной.

— Да, госпожа Анджел, всё вычищено дочи́ста. Оставили только ту чужеземку, о которой вы говорили.

— Она не жительница этого города, так что её судьба не нам решать.

Пока они беседовали, некогда оживлённый городок полностью опустел, навсегда лишившись признаков жизни. Под охраной людей в чёрном Анджел усадила младенца в карету. Кучер взмахнул хлыстом, вороные кони встали на дыбы и сорвались с места. При каждом прыжке их копыта озарялись вспышками синего пламени, а деревья чёрного леса послушно расступались перед капетой, трепеща листвой на ветру.

Вскоре они достигли конца лесной чащи, где возвышалось роскошное чёрное поместье.

Экипаж остановился у фонтана, окруженный толпой необычайно взволнованных и радостных слуг. Прижав к себе свёрток так, чтобы личико ребёнка было скрыто от посторонних глаз, Анджел прошла сквозь толпу. У парадного входа в главное здание её уже давно ждала женщина в роскошных чёрных одеждах. На её лице по-прежнему застыла привычная ледяная маска, но поджатые уголки губ выдавали тревогу.

— Хозяйка, маленький господин вернулся домой.

— Мм.

Приняв младенца из рук Анджел, она прижала его к груди так бережно, словно держала бесценное сокровище. Ребёнок заворочался, бессознательно дёргая ручками и ножками, и под взглядами полными ожиданий медленно открыл глаза. Это были те самые прекрасные синие глаза, точь-в-точь как у её матери.

Новорожденный ещё привыкал к миру, пару раз переведя взгляд, пока наконец не сфокусировался. Впервые после перерождения увидев кого-то перед собой, малыш уставился на каштановые волосы матери и на её суровое, обычно холодное как айсберг лицо, которое сейчас полностью растаяло в улыбке. Мама произнесла слова, которых ждала так долго:

— С добрым утром, моё сокровище.

<http://bllate.org/book/22271/2331688>